

synchroniczne i diachroniczne ujęcie problemów semantyki i stylistyki; semantyka leksykalna a semantyka tekstu; metodologia badań nad semantyką i stylistyką tekstu; semantyka i stylistyka wybranych tekstów literackich i nieliterackich, użytkowych oraz zastosowanie wyników badań nad semantyką i stylistyką w kontekstach praktycznych – translatoryce i dydaktyce. Przedstawiono zarówno aktualny stan badań, jak też określono perspektywę badawczą w zakresie podjętej tematyki, czego najlepiej dowodzi niniejsza monografia zbiorowa, w której autorzy artykułów poruszają szerokie spektrum zagadnień tekstologicznych.

Томас Дайбер

Университет им. Юстуса Либига

(Гиссен, Германия)

Церковнославянское сослагательное наклонение и 'негативная вежливость' (на материале «Патерика Римского» в ВМЧ)

1. Постановка вопроса

«Диалоги» св. Григория Великого (славянское название «Беседовник» или «Патерик Римский»; см. Николаев 1987, 313) содержат в себе разные повести об италийских подвижниках и короткие беседы между вымышленным повествователем по имени «Григорий» и его учеником по имени «Петр». Диалоги делят и комментируют повествовательные части «Бесед». Данная статья посвящена исключительно этим разговорным переходам, а не самим повестям. Для сохранения единого прагматического уровня цитируемых речевых актов у славянского переводчика «Бесед» стояла задача найти не только смысловые, но и прагматические церковнославянские (далее – цсл.) эквиваленты для греческих языковых оборотов. Изучение цсл. перевода греческих диалогических речевых актов дает возможность идентифицировать прагматические стратегии цсл. языка.

Хотя в разговорных переходах «Бесед» встречаются языковые средства, типичные для устной речи (обращение к партнеру диалога, вопрос, просьба и т. д.), они являются элементами стилизованной литературной прозы. Сравнение диалогических речевых актов «Бесед» с действительными транскрипциями устных разговоров показывает яркую разницу касательно эмоционального участия обоих партнеров диалога. В рамках ограниченной стилизации автор «Бесед», который выступает в своем труде как повествователь «Григорий», старался придать своему тексту видимость живой речи.

В конце отдельных повестей или в начале «переходного» разговора часто встречается имя фиктивного слушателя в звательном

падеже «Петре»: повествователь как-бы в реальной ситуации обращается к своему ученику, ожидая от него оценку содержания повести. Обращение к слушателю в конце повествовательного действия можно назвать текстовым стандартом устных повествований, поскольку в реальных устных беседах рассказчик рассчитывает на какой-то индивидуальный интерес к его повествованию и ожидает эмоционального подтверждения со стороны слушателя (Daiber 2010). Полагаем, что автор «Бесед» Григорий для придания своему тексту видимости реальной коммуникации, наделяет участников диалога личной заинтересованностью к содержанию повестей. Во второй редакции славянского перевода «Бесед», которая вошла в состав «Великих Четых Миней» митрополита Макария, отсутствует (Николаев 1987, 315) введение, где повествователь Григорий говорит о бывших христианских подвижниках в Италии: Григорий хочет в воспоминаниях о прошлом показать, что происходящие бурные современные процессы являются закономерными и вечными (Gregorius 1849, col. 149). Вторая редакция славянского перевода «Бесед» начинается с замечания Петра (Gregorius 1849, 152), который интересуется житиями итальянских святых по другим причинам¹:

ВМЧ / Migne	Говорящий		
105b / 152	П(етр)	Зѣло въ италіи нѣкоторыХ силѡю просѣв'шиХ не свѣдѣ. [...] силы же и знаменіа ѿ нихъ никакоже быв'шаа въспрѣмлю. аще ли же соуГ до ныѢ мол'чаніем покрываема [...]	Non ualde in Italia aliquorum uitam uirtutibus fulsisse cognoui [...] signa tamen atque uirtutes aut ab eis nequaquam facta existimo, aut ita sunt hactenus silentio suppressa [...]

Участники диалога представлены следующим образом: на одной стороне – опытный богослов, который ищет утешение в «по-

¹ Колонки в следующей таблице – образец для всех таблиц в статье. Первая колонка: ссылка на цксл. перевод «Бесед» в мартовском томе Великих Четых Миней Макария (ред. Weiher 1997–2001, «Беседовник» – во втором томе издания) и на соответствующее место в латинском или греческом текстах (Gregorius Magnus, ред. Migne 1849). Издание Мигне-а распределяет текст Григория в двух томах: книги 1, 3 и 4 находятся в томе 76, а книга 2 в томе 66 (жизнеописание св. Бенедикта); цитаты из второй книги «Бесед» намечаю дополнением «66». Вторая колонка – говорящее лицо, или П(етр) или Г(ригорий); третья и четвертая колонки – тексты. Цксл. текст воспроизводится без соблюдения знаков ударения согласно Фрейбургскому изданию; надстрочные знаки пишутся большими буквами без (!) дополнения редуцированных.

мышлении» о подвижниках, а на другой стороне находится его любопытный ученик, который ищет новые для него заверения в христианскую веру.

Формулировка Петра может служить примером литературной стилизации. Она содержит слово «молчание» и некое метафорическое отношение между «молчанием и словом», которое можно найти во многих местах «Бесед». Например, в последнем предложении в конце второй книги он хочет, «силоу глаГОЛАти мол'чаніемъ да обновимъ» (139cd). Григорий, как автор «Бесед», часто употребляет слово «молчание» метафорически, в смысле речевого акта.

Оба партнера диалога выражают свой индивидуальный и различный интерес в повестях о прошлых подвижниках стилизованными словами. Григорий «воспоминает» и учит, а любопытный Петр не только воспринимает исторические факты, но и впитывает теологическую догматику. Из этого следует, что только Петр в разговорных частях «Бесед» выражает какие-то эмоциональные реакции, прежде всего или боязнь Страшного Суда, или утешение в поисках пути спасения. Но эмоциональные реакции Петра, хотя и они являются подражанием реального разговора, остаются в рамках строгой стилизации.

138b/ 66:19	П	дивна вещь зѣло и вельми жасить [sic: ужасить] ма.	Mira res ualde, et uehementer stupenda!
7			[θαυμαστὸν πρῶμα σφόδρα, καὶ λίαν, ἐκπλήττον με]

Ни в греческом, ни в цксл. переводах (последний, как здесь видно, следует греческому тексту) не чувствуется реального эмоционального отклика говорящего; в латинском оригинале отсутствует глагол, что лучше подчеркивает восклицание, но в такой стилизованной прозе нельзя ожидать отражения реальных средств устной речи – и в оригинале и в его переводах.

Оба говорящих выполняют типичные роли: опытный богослов Григорий говорит со своим юным учеником Петром и коммуникативная ситуация включает в себя иерархическое отношение. И Григорий и Петр комментируют содержание повестей, но исключительно Петр просит своего учителя о комментариях. Просьба о продолжении повествования выражается, конечно, тоже только

со стороны Петра, который иногда имеет право комментировать содержание повестей с теологических позиций. Но Григорий и Петр различаются по степени авторитетности, и социальная иерархия между партнерами диалога выражается в степени вежливости их речевых актов.

Категория «вежливости» важна с точки зрения исторической прагматики. Даже если в рамках строгой стилизации отсутствуют речевые средства для выражения эмоциональности, в тексте находятся речевые средства для выражения вежливости. Таким образом, вопрос данной статьи можно сформулировать приблизительно так: какие же типичные выражения вежливости наблюдаются в славянском переводе «Бесед»? Вежливые языковые выражения прежде всего нужны в случае просьб, требований или предложений; апеллятивные высказывания можно разделить на директивные, комиссивные и ассертивные (Berger 2001). Несмотря на то, что уже обращение к кому-либо по имени – речевой акт, который оценивается как акт вежливости, в «Беседах» больше всего встречаются просьбы со стороны Петра. Следуя дефиниции из книги Brown/Levinson 1987, категорию вежливости можно разделить на «позитивную» и «негативную» вежливость (см. «улучшенную версию» позитивной вежливости у Кастлер 2004, 14–17), и все авторы согласны в том, что западно-европейская культура предпочитает выражение негативной вежливости:

Стратегии негативной вежливости состоят в предоставлении свободы действий слушающему, что принято в традициях западной культуры и обычно понимается как норма вежливости (Тюрина 2006, электронная публикация).

Восток с точки зрения Европы – ареал позитивной вежливости:

In der russischen Kultur treten diese Mittel zurück vor dem Ausdruck der Teilnahme, des Mitleids, der Empathie durch wortbildende Verkleinerungs- und Kosesuffixe (Кострова 1998, без нумерации страниц = 25).

Очень дальний «восток» с точки зрения России – тоже ареал позитивной вежливости.

Для современного американского общества, отличающегося дружелюбием, демократизацией стиля общения, характерна позитивная вежливость ... (Шевченко 1999, 176).

Определение типа вежливости – не всегда легкая задача, что показывает последняя цитата. По моему мнению нельзя описать вежливость как внутреннее намерение («дружелюбие»), но лучше определить ее как коммуникативную стратегию, которая акцентирует или коллективное согласие, или индивидуальное самоопределение, и обе версии можно наблюдать в той же самой культуре, например в различии между публично-политическими и частными речами.

В данной статье употребляется понятие «негативной вежливости» только в смысле коммуникативной стратегии, которая, например, наблюдается при обращении социально «низкого» говорящего (Петр) к «высокому» слушателю (Григорий). В греческом переводе «Бесед» Петр часто употребляет сослагательное наклонение для выражения «негативной» вежливости в общении с Григорием. Далее мы сопоставляем некоторые речевые акты разговорных частей «Бесед», которые выражают или просьбу, или вопрос с их славянскими переводами; особый интерес вызывают все примеры употребления сослагательного наклонения. Мы ограничиваем обзор материалом первых трех книг «Бесед», поскольку разница в четвертой книге между изданием греческого перевода и изданием перевода в Макарьевских Минеях затрудняют поиск соответствующих мест в обоих текстах. Перевод, который включен в состав Великих Четых Минея Макария, «появился в Болгарии в середине XIV в.» (см. уже Birkfellner 1979, 1, 64–74) и следует полному (второму) греческому переводу Dialogorum (Турилов 2007)².

2. Несколько слов о сослагательном наклонении

Здесь коротко обратимся к вопросу о формах сослагательного наклонения. История развития сослагательного (= условного) наклонения является хорошо известным научным фактом, но существующие теории различаются относительно специфических функций сослагательного наклонения.

1. Сослагательным наклонением выражаются или желательность, или обусловленность некоторого действия:

² Очень древний славянский перевод с латинского оригинала отличается сокращением второй книги от переводов с греческого языка (Николаев 1987, 314), но в редакции, имеющейся в Макарьевских Минеях, вторая книга читается полностью.

Морфологически условное наклонение выражается так же, как желательное; это свидетельствует об их родстве и об общем их происхождении; они могли бы быть объединены в представлении об ирреальном наклонении (Шахматов 1963, 484).

В самом деле, понимание развития сослагательного наклонения связано с реальным или ирреальным временным характером желаемых и обуславливающих действий. Если выражается желательность, то речь идет о действии, которое еще не совершилось. В случае желательности др.-цсл. язык использовал дуративные формы глагола «быти» со значением будущего времени³ (бимъ, би, би ...; Aitzetmüller 1991, 234). Желаемое действие – это будущее действие. Предложения типа «... да би прѣшьль» можно понимать как «... что он будет проходить».

В случае обусловленности какое-то действие является причинным фактом для осуществления другого действия. Зависимость некоторого действия от предыдущего действия предполагает, что предыдущее действие является совершенным фактом. В этих случаях в др.-цсл. языке использовались аористные формы дуративной основы глагола «быти» (бихъ, би, би ...). Обуславливающее действие – это само по себе действие без актуального времени, но является прошедшим действием по отношению к условному действию. Предложения типа «...аще бо бихомъ едины пророки имѣли» можно понимать как «если/когда мы имеем/имели только пророков, мы будем/были ...».

Aitzetmüller (1991, 196 сл.; там же цитаты) показал, что замечание аористных форм дуративной основы глагола «быти» (бихъ, би, би ...) формами самой аористной основы глагола «быти» (быхъ, бы, бы ...) совершилось, когда обе формы в течение развития глагольного вида достигли того же самого значения «комплексной дуративности».

2. Др.-русский язык формы от основы «би-» не знает (Иванов 1964, 395 или 1990, 350; Букатевиц/Савицкая/Усачева 1974, 201), а вместо них в употреблении были исключительно формы аориста глагола «быти» (быхъ, бы, бы ...).

3. «До XIV в.» (Иванов 1964, 395) или «в XIV в.» (Иванов 1990, 351) наблюдаем «постепенную утрату парадигмы аориста вспомогательного глагола» (Арбат/Скиба 1977, 152). Причина утраты не

³ Например Лука 15:29 в Марийском сборнике: *da sь drugy moimi vьzveselilь sa bimь* (= что буду веселиться с друзьями моими).

ясна, поскольку парадигма аориста других глаголов сохраняется до конца XVI века (Kiparsky 1963, 2, 224). Полагаем, что причина утраты не в том, что аорист сам исчез, а в том, что значение «комплексной дуративности» уже стало типичным значением совершенного глагольного вида и из-за этого больше не нужно было выражать комплексную дуративность при помощи вспомогательного глагола. Глагол в предложении уже сам по себе выражал комплексную дуративность при помощи собственного глагольного вида. Вспомогательный глагол больше не был в центре предикативности, утратил свое согласование с подлежащим (субъектом действия; Иванов 1964, 395; 1990, 350) и превратился в частицу.

Эти факты хорошо известны, но вспомнить о них полезно, поскольку уже в предисловии «Патерика Римского» встречаем проблематичный пример употребления сослагательного наклонения. В предисловии рассказчик Григорий говорит о своей манере передачи высказывания итальянских отцов:

аще бо бы" мои хотѣль на лица вса деръжати (105b)

quia si de personibus omnibus ipsa specialiter verba tenere voluissem (153)

ikáneiv γάρ ἤθελον προσώπηκῶς ἀπάντων αὐτῶν τὴν φράσιντα τῶν λόγων κρατῆσαι (154)

Ни в латинском, ни в греческом текстах нельзя видеть причину того, почему в цсл. переводе находится притяжательное местоимение «мой». Славянское предложение было бы вполне понятным без местоимения и читалось «если бы я хотел ...». Если не предположить, что какой-то малограмотный писец неправильно понял глагол «хотел» как существительное мужского рода, то синтаксический строй предложения трудно понять. Может быть, писец, который копировал славянский перевод для Макарьевских Миней, нашел ему уже непонятное сочетание сослагательного наклонения «бимъ хотель». Поскольку слово «бимъ» отделяется в конце строки на две части «би» + «мъ» писец предположительно вначале написал привычный ему аорист «бь» с надстрочным знаком «х» и потом автоматически дополнил остальное «мъ» как местоимение. Признаем, что это спекулятивная гипотеза. Но может быть, неправильный синтаксис славянского предложения – одинокий след бывшего формирования сослагательного наклонения как сочетание со старой формой «бимъ».

Замечания о судьбе сослагательного наклонения в славянских языках не только служат для выяснения одного «темного» места в славянском переводе «Бесед». Все развитие сослагательного наклонения показывает, что его функция в славянском языке в сравнении с другими индоевропейскими языками изменилась. Славянское сослагательное наклонение развивается в тесном отношении с глагольным видом: аористные формы глагола «быть» теряют свое лексическое значение и сохраняют только грамматическое значение именно в такой степени развития, когда главный глагол выражает значение комплексной дуративности сам по себе. Это подводит к заключению, что частица «бы» в сочетании с глаголом прошедшего времени только сигнализирует, что действие глагола происходит в определенной временной рамке. Действие, маркированное с помощью частицы «бы», определяет другое действие как временной фон и, таким образом, оно является условием другого действия. Поскольку сослагательное наклонение выражает какое-то условие для другого действия, то оно редко встречается самостоятельно. В наше время в русском языке, судя по НКРЯ (опрос осуществлен 28.11.2011), только конструкции «хотел бы + инфинитив» или «хотел бы + предметное предложение» являются продуктивными (найденно 931 документа), для конструкции типа «знал бы» найденно только 14, «говорил бы» – 8, «видел бы» – 4 документа. Но именно с помощью самостоятельных конструкций конъюнктива выражается «негативная вежливость» как, например, в немецком «*ich würde gerne wissen, ob ...*», «*ich würde sagen, dass ...*» или «*ich würde das anders sehen*» и т.д. В русском языке область употребления сослагательного для выражения негативной вежливости значительно уже, поскольку сослагательное наклонение типично выражает временной фон другого действия и из-за этого редко встречается в самостоятельной конструкции. Итак, можно сказать, что средства для выражения негативной вежливости не чужды «восточной культуре», но в случае сослагательного наклонения – только русскому языку.

3. Материал

Просьбы – типичные речевые акты, где ожидается выражение вежливости. В «Беседах» встречается маленькая группа просьб, выраженных сослагательным наклонением:

107с/	П	оувѣдѣти <u>бы хотѣль</u> , богоч"тен"ныи ѿЧ	Putasne uir iste uenerabilis Libertinus [γνώναι ἤθελον, θεοτίμητε πάτερ] – vellem etiam Patris huius opus agnoscere [Ἦθελον ... διαγνώναι]
109b/ 169	П	<u>хотѣль быX</u> ѿца сего дѣло видѣти	sed nosse <u>uellem</u> cuius humilitatis apud se esse intus potuit iste, qui tantae excellentiae foris fuit. ⁴
111b/	П	но <u>хотѣль быX</u> оувѣдѣти. в' котороМ смиренїи, в"ноутрь сы" блашс. иже толикою высоотою из"вну сѣаше	sed nosse <u>uellem</u> cuius humilitatis apud se esse intus potuit iste, qui tantae excellentiae foris fuit. ⁴
113b 188	П	<u>хотѣл быX</u> да ми" свѣтло сказаЛ. аще можеТ пронарченїе млѣвѣ помощї	Probari mihi apertius <u>uelim</u> , si potest praedestinatio precibus iuuari. [Ἦθελον ... δειχθῆναι]
132d/ 66–476	П	но <u>хотѣль быX</u> вѣдѣти. какоъ бѣ моуж сеи въ ѿп"щии [sic -п-] бесѣдѣ	sed <u>uelim</u> nosse, in communi locutione qualis iste uir fuit [ἀλλ' ἤθελον γνώναι]
135bc/ 66–488	П	<u>хотѣль быX</u> сѣа вса чудеса видѣти	<u>uelim</u> nosse, si haec tanta miracula uirtute semper orationis impetraba [Ἦθελον γνώναι]
153d/ 269	П	оувѣдѣти <u>быX хотѣль</u> . аще ничьѿЖ имѣ ѿТ стараго врага. лаанїе не ключиса	nosse <u>uelim</u> si nullas cos contigit antiqui hostis insidias pertulisse [γνώναι ἤθελον]
154с/ 273	П	<u>хотѣль быX</u> увѣдѣти въ ис- тин"ну	<u>Velim</u> nosse [Ἦθελον γνώναι ἀκριβῶς]
180a/ 373	П	вѣдѣти <u>бы хотѣл</u> , знаюТ ли са добрїи въ црѣвїи, а з"лїи в' мукаX	nosse <u>uelim</u> , si vel boni bonos in regno, vel mali malos in supplicio agnoscant [γνώναι ἤθελον]

Данные цитаты до конца третьей книги характеризуют все примеры вежливой просьбы, где (вероятно, 111b не исключение) славянское вежливое выражение «хотель бы(хъ)» отражает греческий «ἤθελον» [«хотеть»: 1-е лицо, единственное число, несовершенное прошедшее время, действующий залог] и славянский переводчик, как и латинский автор оригинала, употребляет сосла-

⁴ Не было возможным обнаружить соответствующее греческое место.

гательное наклонение. Это можно сравнить с примерами, где славянский перевод отличается от латинского текста. В 107с греческий текст так сильно не совпадает с латинским, что трудно сказать, какой вариант служил греческому переводчику образцом. Есть другие места, где латинский оригинал употребляет сослагательное наклонение, но славянский переводчик буквально следует греческому переводу:

105a/ 153	П	молю та стѣи ѿчѣ сѣлю желающоу ми, да о нихъ начнеши сказовати	vellem quaerenti mihi de eis aliqua narrares [δυσωλῶ, πανάγειε πάτερ]
132с/ 66–476	П	навыкноути хошю, кии чиН можетъ быти, да из"далеча прїидеГ ѿТвѣтъ к" спациМ мо- ужемъ.	Doceri uelim, quo fieri ordine potuit, ut longe iret, responsum dormientibus diceret, quod ipsi per uisionem audirent, et recognoscerent. [διδασθῆναι θέλω]

Славянский перевод в точности следует греческому тексту, но иногда выражает греческий индикатив сослагательным наклонением для выражения негативной вежливости. В большинстве случаев тот же латинский перевод покажет конъюнктив. Отметим, что формы аориста глагола «быти» во время написания славянского перевода для Макарьевских Миней уже исчезли. Об этом свидетельствуют 107с (см. выше) или 180а, где аорист «быхъ» уже превратился в частицу:

180а/ 373	П	вѣдѣти бы хотѣд, знаюТ ли са добрїи въ црствїи, а з"лїи в' мукаХ	nosse uelim, si vel boni bonos in regno, vel mali malos in supplicio agnoscant [γινῶναι ἤθελον]
--------------	---	---	--

Видно, что исключительно Петр употребляет сослагательные конструкции для вежливого выражения, а не Григорий. В устах Григория только один раз встречается конструкция, не в смысле желательности, а обусловленности:

119d/ 215	Г	хотѣд ти" бых' въ хвалоу и въ славу из"бавителя бг̃а ншѣго. о моужи нѣкоемъ говѣинѣ именемъ венедик"та нѣкогого	vellem tibi in laudibus redemptoris de uiri uenerabilis Benedicti miraculis aliqua narrare. sed a haec explenda hodiernum tempus video
--------------	---	--	---

сказати. ноу годиною днебнаго времени. прѣтивоу семоу с"казанїю	non posse sufficere. [ἠθέλον ... διηγῆσασθαι, ἀλλ' ὀρθῶς ...]
---	---

Встречаем любопытное место, где греческий перевод содержит глагол βούλομαι [«хочется», 1е л., ед. ч., средний залог, изъяв. накл.]. В славянском переводе (как в латинском оригинале) – действительный залог, но кроме того, славянский переводчик употребляет не глагол со значением желания, а повеления:

105b/ 153	Г	се же во истин"ну велю ти вѣдѣти	Nos uero scire te cupio [τοῦτο δὲ ἀληθῶς γινώσκειν σε βούλομαι]
--------------	---	-------------------------------------	---

Славянский перевод подчеркивает дистанцию между учителем Григорием и его учеником Петром изменением лексического состава предложения. Пример, может быть, *ex negativo* свидетельствует о том, что славянский переводчик в общем воспринимает косвенное выражение просьбы как очень маркированную степень вежливости. Вероятно, из-за этого он формулирует не косвенную просьбу, а прямое повеление, которое лучше подходит к речи Григория.

Еще пример, где славянский перевод не отражает греческую конструкцию (буквально: «спрашиваюсь»), но формулирует вопрос в изъявительном наклонении:

105d/ 135	П	въпрѣшаю пыгаа, чтСныи ѿТчѣ ...	Putamus, hic tam egregius uir, ut... [Πυνθάνομαι, τίμιε πάτερ]
--------------	---	---------------------------------	---

Средний залог глагола πυνθάνομαι отражает безличную конструкцию латинского оригинала (там – множественное число). Славянский перевод ищет личный смысл глагола и подчеркивает дистанцию между учителем и его учеником двойным лексикальным выражением вопроса. В случае глаголов, которые в греческом языке встречаются только в среднем залоге и из-за этого не категоризируются легко ввиду характера косвенной или прямой речи, славянский переводчик выбирает прямой, личный смысл глагола.

Конечно, часто встречаются просьбы Петра в изъявительном наклонении, которые буквально отражают соответствующее греческое слово, но такие примеры не проблематичны:

106b/ 157	П	оугоДно ми еѣ еже глѣши. аще сидевыи ѿТць ...	Placet quod dicis sed peto ut mihi dicas si tantus hic Pater ... [Ἀρέσκει ὁ λέγεις . ἀλλ' αἰθῶ ἵνα μοι εἴπῃς, ἐάν ὁ τοιοῦτος παθῆρ ...]
107b/ 161	П	оугодно ми еС еже глѣши. но въпрѣшаю чтСны" ѿЧ ...	Libet quod dicis; sed, quaeso te [Ἀρέσκει ὁ λέγεις . ἀλλ' αἰθῶ, θίμει πάθερ ...]

4. Итог

Обзор употребления сослагательного наклонения в славянском, латинском и греческом текстах для выражения вежливой просьбы показывает, что в большинстве случаев языковые средства славянского перевода отвечают греческим формам. Маленькая разница свидетельствует о намерении славянского переводчика увеличить дистанцию между Григорием и Петром. Это уже характерная черта греческого перевода VIII в. Еще ярче она выражается в славянском переводе. Это может быть связано с канонизацией Григория в 1295 г. Славянский переводчик воспринимает косвенные безличные обороты тоже как вежливые речевые акты и ими не пользуется – против греческого – в случае, когда говорит Григорий, а не Петр. Если славянский переводчик отклоняется от косвенного выражения греческого образца, то он не пользуется сослагательным наклонением, а, наоборот, применяет средства позитивной прямой вежливости.

Литература

- Aitzetmüller R. (1991), *Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft*, 2-е изд., Freiburg. i. Br. (= Monumenta linguae slavicae XXX).
- Арбат Н. Н., Скиба Ю. Г. (1977), *Древнерусский язык*. 2-е изд., Киев.
- Berger T. (2001), *Anrede und Höflichkeit im heutigen Russischen*, <http://www.sfb441.uni-tuebingen.de/b1/korpora.html>, 29.06.2005.
- Birkfellner G. (1979), *Das Römische Paterikon. Studien zur serbischen, bulgarischen und russischen Überlieferung der Dialoge Gregors des Großen mit einer Textedition*, 2 т., Wien.

- Brown P., Levinson S. C. (1987), *Politeness: Some universals in language usage*, Cambridge.
- Букатевиц Н. И., Савицкая С. А., Усачева Л. Я. (1974), *Историческая грамматика русского языка*, Киев.
- Daiber Th. (2010), *Правда и эмоция. Об устных текстах, о смысле и об автобиографической памяти*, [в:] *Problemy semantyki i stylistyki tekstu*, red. A. Ginter, Łódź, с. 309–317.
- Gregorius Magnus (1849), *Dialogorum Libri IV De Vita Et Miraculis Patrum Italicorum* (= Opera omnia t. 3, col. 149–430), [в:] *Patrologiae cursus completus, series latina*, ред. J. P. Migne, тт. 66 [книга 2] и 76 [книги 1, 3 и 4], Paris. В фототипичной форме: <http://www.documentacatholica.eu> (= Мигне) или только латинский текст в оцифрованной форме (томы 1–3, текст третьего тома не полностью воспроизводится): <http://agoraclass.fltr.ucl.ac.be/concordances/intro.htm> (= Itinera Electronica, Университет Лёвен).
- Иванов В. В. (1964), *Историческая грамматика русского языка*, Москва.
- Иванов В. В. (1990), *Историческая грамматика русского языка*, 3-ье изд., Москва.
- Николаев Н. И. (1987), *Патерик Римский*, [в:] *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, вып. 1, ред. Д. С. Лихачев, Ленинград.
- НКРЯ = Национальный корпус русского языка, www.ruscorpora.ru.
- Кастлер Л. (2004), *Негативная и позитивная вежливость: различные стратегии речевого взаимодействия*, [в:] *Агрессия в языке*, ред. И. А. Шаронов, Москва, с. 9–18.
- Kiparsky V. (1963–1975), *Russische Historische Grammatik*, т. 1–3, Heidelberg.
- Кострова О. А. (1998), *Satz und Äußerung: einfach und komplex. Lehrwerk zum Spezialkurs*, Самара.
- Турилов А. А. (2007), *Григорий I Великий: Переводы сочинений на славянский язык, рукописная традиция*, [в:] *Православная энциклопедия*, Электронная версия, www.pravenc.ru.
- Тюрина С. Ю. (2006), *Принцип вежливости в теории и практике межкультурной коммуникации*, [в:] *INTER-CULTUR@L-NET. Международный научно-практический (электронный) журнал* 5, <http://www.vfnglu.wladimir.ru/Rus/html/journal.htm>.
- Weiber E. et al. (1997–2001), *Die Großen Lesemenäen des Metropoliten Markarij, Uspenskij spisok 1.–11. März*, ред. E. Weiber et al. при участии F. Keller, Y. и Th. Daiber et al., тот же 12.–25. März, тот же 26.–31. März, Freiburg i. Br. (= Monumenta Linguae Slavicae 39, 41, 45)
- Шахматов А. А. (1963), *Синтаксис русского языка* [пер. изд. 1941], ред. Е. С. Истрина, The Hague. (= Slavistic Printings and Reprintings 41)
- Шевченко, И. С. (1999), *Проблемы динамики принципа вежливости в речевой коммуникации*, «Вісник Сумського державного університету» 1, с. 174–178.

Summary

Thomas Daiber

Church-Slavonic Subjunctive Mood and "Negative Politeness"
in Church Slavonic (on the "Dialogues" of Gregory the Great
in Makarijs Great Menology)

The paper uses the terms "negative" and "positive" politeness as two different communicative strategies which can be inherent in the same culture. It discusses the historical evolution of the Slavic subjunctive mood, which by itself tends to occur in conditional relation to another verb thus being not well suited to express "negative" (= indirect) politeness which requires the use of subjunctive mood in independent constructions with the main verb. Finally, it is shown that the Church-Slavonic translation of the "Dialogues" of the 14th c., while generally following the Greek translation of the 8th c., changes the Greek middle-passive into active voice preferring the expression of positive politeness.

Олег Жолобов

Казанский федеральный университет
(Казань, Россия)*Ti- и *t-формы презенса в древнеславянских
текстах

В современных славянских языках употребление словоформ презенса представляет сложную и пеструю картину. Русский язык отличается от всех остальных славянских языков. В большинстве славянских языков в 3 л. ед. и мн. ч. наст. времени флективный *-m* отсутствует. Его нет во всех западославянских языках, начиная с самых ранних письменных свидетельств (появившихся, впрочем, довольно поздно). Его нет в южнославянских языках, исключая лишь болгарский. В болгарском флективный *-m* употребляется только в 3 л. мн. ч. В ранних болгарских источниках последовательно употреблялся *-tъ* как в ед., так и во мн. ч. В книжных сербских источниках картина была такой же, с той разницей, что они являются, как правило, одноеровыми и в них выступает *-tъ*. В украинском языке нулевые словоформы представлены в 3 л. ед. 1 спр., а в остальных случаях сохраняются старые формы на *-mъ*. Сходным образом эти формы употребляются и в белорусском.

В польском вместе с тем сохраняется словоформа на *-t jest*, которая соответствует старославянскому *кстъ*, а в старопольском употреблялась и словоформа *jeść*, которая соответствует др.-рус. и праславянскому **jestь*. Заметим, что в современном русском языке словоформы данного глагола обособлены, как и в польском. Только данный глагол сохранил мягкость флективного *-mъ* в формах 3 л. *есть* и *суть*, тогда как нормой является твердый флективный *-m*.

В старославянских (или древнеболгарских) источниках последовательно употреблялся флективный *-tъ*. Нулевые формы также встречались, однако чрезвычайно редко. Тем не менее старославянские вариативные словоформы на *-tъ* и, условно говоря, нуль, безусловно, могут свидетельствовать об их праславянском возрасте. В среднеболгарских источниках количество нулевых

FH sla Ab 4.50

**Язык и стиль
литературных и нелитературных текстов**

**Język i styl
tekstów literackich i nieliterackich**

pod redakcją Jarosława Wierzińskiego,
Aleksandra Tsoja, Anny Ginter i Anny Kamińskiej

Primum Verbum
Łódź 2012

RECENZJA NAUKOWA

Andrzej Charciarek

REDAKCJA NAUKOWA

Jarosław Wierzbiński
Aleksandr Tsoi
Anna Ginter
Anna Kamińska

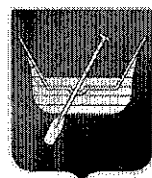
REDAKCJA WYDAWNICZA

Anna Obrębska
Ija Blumental

Publikacja dofinansowana przez
Uniwersytet Łódzki i Urząd Miasta Łodzi

Uniwersytet
ŁÓDZKI

Urząd Miasta Łodzi,
www.lodz.pl

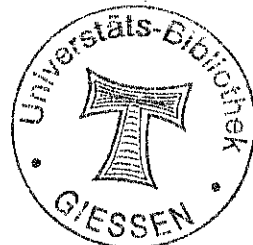
Uniwersytet Łódzki
www.uni.lodz.pl

Copyright © 2012 by Primum Verbum

ISBN 978-83-62157-47-1
Łódź 2012

Wydawnictwo PRIMUM VERBUM
Ul. Gdańska 112, 90-508 Łódź
e-mail: wydawnictwo@primumverbum.pl
www.primumverbum.pl

61.434.585

SPIS TREŚCI / СОДЕРЖАНИЕ

Od redakcji.....	5
Томас Дайбер <i>Церковнославянское сослагательное наклонение и 'негативная вежливость' (на материале «Патерика Римского» в ВМЧ).....</i>	7
Олег Жолобов <i>*Ti- и *t-формы презенса в древнеславянских текстах</i>	21
Марал Амалбекова <i>Тексты публицистов-билингвов в геоинформационном пространстве Казахстана</i>	32
Александр Граф <i>Подражание как жанр: присвоение «чужой» стилистики в русской лирике 1840-х годов</i>	46
Ия Блюменталь <i>Антропонимикон романа «Московиада» Ю. Андруховича. Интертекстуальный аспект</i>	60
Малгожата Кравец <i>Особенности позитивной оценки в тексте романа Ю. Олеши «Зависть» (формы и способы выражения оттенков).....</i>	68
Маргарита Надель-Червиньска <i>Медведь, хозяин леса, зайцев и пчел: от пословицы и ритуальной практики – к сказке и мифу</i>	82
Катажина Собиянек <i>Нарушения тоталитарного дискурса в прозе В. Г. Сорокина (на основании антиутопии «День опричника»)</i>	98
Татьяна Степновска <i>Семантико-стилистическая характеристика образа рябины в поэзии Марины Цветаевой</i>	109
Анна Варда <i>Семантика вина в дидактико-сатирическом письме «О вине» Ф. Я. Козельского</i>	120